

УЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ХРИСТИАНСТВЕ И ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («БЕСЫ»)¹

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 3 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассмотрены проблематика, герои, конфликты романа Достоевского «Бесы» в свете учения свт. Тихона Задонского об истинном христианстве. Сделан акцент на противостоянии образов Тихона и Ставрогина как носителей Добра и зла в евангельском понимании.

Ключевые слова: святитель Тихон Задонский, Достоевский, Ставрогин, Шатов, преступление, грех, покаяние, Благодать, духовная радость.

Abstract: the article examines the problems, heroes, conflicts of Dostoevsky's novel "Demons" in the light of the teachings of St. Tikhon of Zadonsk about true Christianity. The emphasis is placed on the confrontation of the images of Tikhon and Stavrogin as carriers of Good and evil in the gospel understanding.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, Dostoevsky, Stavrogin, Shatov, crime, sin, repentance, grace, spiritual joy.

В своей главной книге «Об истинном христианстве» свт. Тихон Задонский четко разделяет христиан на истинных и ложных. Он размышляет о плотском, душевном христианине, который крещен, ходит в церковь, молится, участвует в таинствах, но настоящей веры, которая смогла бы принести плод добродетели, не имеет. Святитель пишет: «Ложные христиане находятся посреди церкви, но никакого участия в церкви не имеют, не суть сынове церкви, никакой части во Христе не имеют, хотя и исповедуют Его» [1, 90]. По-другому сказать, языком исповедуют, а сердце их мертво, равнодушно.

К истинным христианам относятся те, кто научился каяться в своих грехах, созидавая внутренне-го человека. Бог ведет нас к покаянию, просветляя, вразумляя, наказуя и преображая на пути к истине. Неслучайно прп. Амвросий Оптинский дал краткое, но чрезвычайно важное определение состояния души самого Ф. М. Достоевского: «Этот — кающийся». Сам автор «Пятикнижия» в письме А. Майкову сообщал о своем грандиозном замысле нового художественного полотна: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие...» С этим связано намерение автора ввести в роман «величавую, положительную, святую фигуру» Тихона Задонского. «...Может быть,

именно Тихон-то и составляет наш русский положительный тип, который ищет наша литература. Это уже не Костанжогло и не немец (забыл фамилию) в «Обломове», и не Лопухин, не Рахметов. Правда, я ничего не создам, я только вставлю действительного Тихона, которого я принял в свою душу давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важным подвигом»; «...но не все будут мрачные лица; будут и светлые... В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тоже святитель, живущий на спокойе в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время героя романа» (Речь идет о «Бесах») [2, 117–118].

Размышления свт. Тихона Задонского о духовном состоянии современных ему христиан, об их теплохладности, шаткости, беспочвенности, маловерии и безверии были весьма близки миропониманию Достоевского. Например, образ Сони Мармеладовой — воплощения женской жертвенной христианской любви — больше с такой силой не повторится в его творчестве. Однако в романе «Бесы», где мрак и тьма преисподней, казалось бы, переместились в русский губернский город, все же, кроме свт. Тихона, есть герой, испытавший в конце жизни прикосновение Божественной Благодати, которая выразилась в его духовном состоянии блаженно-го всепрощения и прикосновения к высшим абсолютным ценностям. Это Шатов, говорящая фамилия которого свидетельствует о его нравственных метаниях в поисках веры. В конце жизни, накануне гибели от рук Верховенского и компании, к Шатову приезжает его жена, которая должна родить ребенка от Ставрогина. В древности таких блудниц побива-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44191 «Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве».

ли камнями. Однако Шатов испытывает такой прилив любви и сострадания к Мари, который дает ей надежду на возрождение. Три года назад муж и жена расстались по причине идейных разногласий. Шатов восклицает с умилением: «Я слышал потом, что ты будто бы презирала меня за перемену убеждений. Кого же я бросил? Врагов живой жизни; устарелых либералишек, боящихся собственной независимости; лакеев мысли, врагов личности и свободы, дряхлых проповедников мертвечины и тухлятины!.. А главное, везде мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!» [3, 539]. На вопрос Мари, что он сейчас проповедует, Шатов твердо произносит: «Бога проповедую».

Сам Шатов предстает воплощением такой деятельной, сострадательной любви, которая напоминает христианское милосердие Сони Мармеладовой. Его жена рождает ребенка от Ставрогина, но Шатов даже не спрашивает ее об этом, его любовь к жене поднимается на такую духовную высоту, где нет ревности, упреков, подозрительности, расчета, мстительности и т.п. «Живая» жизнь, по Шатову, — это приятие той вечной традиции бытия человека, которая заповедана Творцом. Его любовь к жене приближается к той характеристике понятия, которую дает апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» (1Кор. 13:4–8). Она самоотверженна. Для этой любви рождение ребенка — великая радость, «тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая». Шатов говорит в восторге:

«— Было двое, и вдруг третий человек, новый дух, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нет ничего выше на свете!» [3, 552].

Шатов не только помогает Мари в родах, он усыновляет ребенка и дает ему собственное имя. Так восстанавливается истинно христианская семья, а сам герой приближается к идеалу евангельской любви. Неслучайно, что именно Шатов указывает Ставрогину путь возможного возрождения — идти в монастырь, к св. Тихону. Самого же Шатова на пике его высшего духовного торжества зверски убивают революционеры, не давая ему возможности развиваться в новой, обретенной им христианской полноте жизни. Таким образом, проблема положительного героя в романе остается открытой, и она переносится автором в иную сферу бытия, где невидимая брань совершается повседневно и где действуют духовные законы развития человека, ведущие его либо к спасению души, либо к ее гибели.

Проблема «положительно прекрасного человека» — центральная в Пятикнижии Достоевского — получила свое качественно новое решение в романе

«Бесы», где таким героем является архиерей Тихон, прототипом которого стал любимый автором святой Русской Православной Церкви — святитель Тихон Задонский. Энергетическим узлом романа должна была стать глава «У Тихона», завершающая вторую часть произведения. Однако по цензурным соображениям она была изъята и впоследствии публиковалась как Приложение. А между тем именно диалогическое напряжение в столкновении Добра и зла, Бога и дьявола достигает в ней кульминационного пика. Парадокс состоит в том, что исповедь Ставрогина, которая должна была поразить масштабностью злодеяния, признается архиереем «смешной». Произошло самое неожиданное для Ставрогина: его гордость и тщеславие были поправлены юродством Тихона.

Анализ диалога показывает, что в нем сконцентрировались выстраданные Достоевским излюбленные темы и мотивы. Христианское отношение к ближнему, которое характеризуется любовью ко всем людям без исключения, присутствует в каждом из романов Пятикнижия. Так, в «Преступлении и наказании» после признания Раскольникова в убийстве Соня в порыве сострадания падает перед ним на колени. Князь Мышкин в финале «Идиота» жалеет Рогожина и страдает ему. Особенность «Бесов» в том, что «черные» дела Ставрогина ужасают именно своей мелочностью и меркантильностью. Ложная кража ножика, насилие над ребенком, участие в смертном грехе самоубийства опозоренной девочки — кого же «победил» Ставрогин в своем преступлении? Беззащитного, беспомощного, жалкого ребенка, «одного из малых сих». Тем более, что Матреша «все взяла на себя», каюсь в том, что «Бога убила». Ставрогин же — практичный, расчетливый человек, он просто хочет «избавиться» от видения Матрешы, которая воплощает возмездие. Ставрогин хочет избавиться от угрызений совести, которая есть глас Божий в каждом человеке. Причем избавиться, не раскаиваясь в содеянном.

В данной главе высказывания Тихона построены на стилизации под творения свт. Тихона Задонского. Язык юродства — единственно возможный для таких, как Ставрогин, творящих зло от скуки. Образ Тихона, взявшего на себя подвиг юродства, — это образ истинного христианина, забывающего себя ради ближних. Первая духовная характеристика Тихона в романе представлена следующим образом:

«Сведения были разнообразны и противоположны. Но имели и нечто общее, именно то, что любившие и не любившие Тихона (а таковые были), все о нем как-то умалчивали — не любившие, вероятно, от пренебрежения, а приверженцы, и даже горячие, от какой-то скромности, что-то как будто хотели утаить о нем, какую-то его слабость, может быть, юродство» [3, 613]. (Заметим, что в восприятии светских героев «юродивыми» являлись и Соня, и князь Мышкин.) Об этой непохожести, странно-

сти свидетельствовал и интерьер кельи: «...рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные, а может быть, еще и хуже» [3, 635]. Далее мотив закрепляется в портрете, фиксируются «потупленные глаза и ненужная смешная улыбка».

«Потупленные глаза Тихона», которые становятся портретной доминантой, — о многом «говорящая» деталь описания. По учению святых отцов, инок не должен рассматривать ни мир, ни того, что в мире: он ушел от него. Это знак смирения, отсутствия любопытства и нежелание навязывать свою волю другому. Диалог героев приобретает духовную глубину после заявления Тихона, что «атеизм почтеннее светского равнодушия». Как известно, состояние теплохладности бичуется в Апокалипсисе как безнадежное в деле человеческого спасения. После цитирования Библии Ставрогин, заявивший, что «очень любит» своего собеседника, Тихон отвечает взаимностью. Если вспомнить начало знакомства Мышкина и Рогожина, то там тоже дружба начинается с признания взаимной симпатии. Как князь Мышкин получил от Рогожина определение «юродивый», так и Тихон от Ставрогина — такое же. Очевидно, что в мире нарастающего Апокалипсиса, который изображает Достоевский, истинный христианин только так и может восприниматься: как блаженный и неотмирный. В этом плане в «Братьях Карамазовых» существует уже отчетливое представление о том, что ради великой идеи юродство необходимо.

Сама исповедь Ставрогина не имеет, конечно же, никакого отношения к церковному таинству отпущения грехов, поскольку он не верит в Бога, а поклоняется бесу. Тихон это знает с момента появления героя. Но как дать понять заблудшему брату его грех безверия? Бес Ставрогина — «мелкий», из неудавшихся, подобный тому, который будет мучить Ивана Карамазова. И Тихон начинает разговор с признания факта, что Ставрогин (в основе его фамилии — крест) в потенциале может понести крест истинного христианского покаяния. Однако в представленной рукописи его нет. Диалог ведется на разных уровнях духовного понимания проблемы. Мастерство Достоевского состоит в том, что он показал Тихона не обличителем, не дидактиком, не схоластом, а врачом, страдающим больному в его мучениях: «Не стыдясь признаться в преступлении, зачем вы стыдитесь покаяния?.. вы как будто любуетесь психологией вашей и хвастаетесь за каждую мелочь, чтобы удивить читателя бесчувственностью, которой в вас нет. Что же это как не горделивый вызов от виноватого к судье» [3, 657].

Диагноз духовной болезни Ставрогина Тихон определил следующей чеканной формулой: «великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость». Тем не менее Ставрогин «оскорблен» признанием Тихона об «обыкновенности подобного преступления»: «Всеми этими ужасами наполнен весь мир». Себя Ти-

хон также считает за великого грешника, что является показателем его духовной зрелости. Чем более глубоко ощущает христианин свою греховность, тем более он становится смиренным и не осуждающим ближних: «Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват. Греха единичного нет» [1, 659].

Главным испытанием для Ставрогина может стать признание «некрасивости» преступления и то, что «смех будет всеобщим». Он не выдержит роли шута, поскольку не закален в духовной брани, ведь он претендует на роль сверхчеловека, человекобога. В диалоге встает вопрос о Христе: простит ли Он преступление Ставрогина?

«Я вам радостную весть за сие скажу, — с умилением промолвил Тихон, — и Христос простит, если только достигнете того, что простите сами себе... О нет, нет, не верьте, я хулу сказал: если и не достигнете примирения с собой и прощения себе, то и тогда Он простит за намерение и страдание ваше великое... ибо нет ни слов, ни мысли в языке человеческом для выражения всех путей и поводов Агнца, “дондеже пути его въявь не откроются нам”. Кто обнимет Его, необъятного, кто поймет всего, бесконечного!» [3, 661].

Данное высказывание Тихона представляет собой скрытую и в то же время развернутую цитату из книги свт. Тихона Задонского «Сокровище духовное». В оригинале текст этой главы называется «Преступники и радостная им весть», смысл которой, на наш взгляд, в следующем утверждении: «Не бойся, не отчаявайся, бедный грешниче! Христос Сын Бога живаго, Царь и Царя небесного Сын возлюбленный и едиnorodный, от Отца Своего небесного посланный, пришел тебя спасти и в небесное Свое царствие привести... Прииде Сын Божий грешники спасти, не такие и такие, а всякие, какие бы они ни были; только бы покаяться и веровали в пришедшего грешники спасти Иисуса Христа: и рай им отверзется рукою на кресте распятого Христа» [4, 18].

Следует еще раз подчеркнуть, что прощение грешников возможно только при условии истинного покаяния, которое предполагает окончательное и бесповоротное отвержение греха. В противном случае признание собственных ошибок, промахов, преступлений бесполезно. В романе Тихон предлагает Ставрогину и путь выхода из тупика: пойти на послушание к старцу, оставаясь в миру, чтобы пройти школу самоотречения, отказа от собственной воли и желания жить по стихиям мира сего. Это единственный путь спасения — предать себя в волю Божию. Ставрогин должен выйти из одиночества, связав себя обетом с другим человеком. Однако Ставрогин не в состоянии этот путь принять, поскольку он не раскаивается в содеянном. В этом — его трагедия, суть которой открыта для прозорливого старца. Тихон понимает его истинное намерение: объявить свое преступление людям и этим ограничиться. Но на пути

покаяния этот шаг — самый легкий и даже поверхностный, не затрагивающий глубины человеческой личности. Неизмеримо сложнее победить себя, зло в самом себе, очиститься и «простить» себе. Тогда и Бог простит. Но Ставрогин стоит на пороге нового преступления: убийства жены для удовлетворения страсти к Лизе, т.е. угождения собственной плоти, самолюбия, тщеславия и прочих пороков. К истинной любви герой-индивидуалист не способен. Тихон в этом фрагменте выступает как провидец, пытаясь предупредить новое, еще более отвратительное преступление Ставровина:

«— Я вижу... я вижу как наяву,— воскликнул Тихон проникающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести,— что никогда вы, бедный, погибший юноша, не стояли так близко к самому ужасному преступлению, как в сию минуту!» [3, 666].

Ставрогин понимает, что Тихон прочитал в его душе истинные причины и мотивы его дальнейших поступков. В бешенстве покидая келью, он обзывает Тихона «проклятым психологом». Однако суть дела не в психологии, а в законах духовного развития человека, который оказывается в ситуации выбора, с кем ему быть: с Богом или с дьяволом. Ставрогин предпочел беса и с неотвратимой закономерностью послужил ему, окончив жизнь самоубийством.

Критики часто задаются вопросом: почему «положительно прекрасные» герои Достоевского — князь

Мышкин, Тихон, Алеша Карамазов — оказываются не в состоянии реально предотвратить страшные преступления? Но в этом и суть героев — православных христиан, которые лично делают все возможное для уменьшения зла в мире, но не посягают на главный дар Бога человеку — его свободу. Их задача — указать на болезнь, показать путь выздоровления, но не насиловать волю другого, потому что это бесплодное занятие. Семья может принести плод только тогда, когда человек борется с собственным злом при добровольном союзе с Богом. Об этом написан и последний роман Достоевского «Братья Карамазовы». Однако его анализ в свете учения свт. Тихона Задонского об истинном христианстве требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. — 826 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. IX. — Л.: Наука, 1974. — 526 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. VII. — Л.: Наука, 1990. — 845 с.
4. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. — М.: Русский духовный центр, 1994. — 400 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru